

Научная статья

УДК 178.1

DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-351-363

Алкоголь в повседневной жизни советского Севера 1930-х годов

Александр Иванович Куляпин

Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
iskander58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Аннотация

В невыносимых порой условиях обитания в Арктике употребление спиртных напитков и галлюциногенов – единственная возможность ускользнуть от суровой действительности. Алкоголь способен создавать иллюзию легкого преодоления любых препятствий и трудностей. Поскольку главный враг человека на Севере – холод, для полярников особенно актуальна мифология алкогольного «согрева». В рамках советской арктической утопии важно вывести алкоголь за рамки товарно-денежных отношений. На Севере реальностью становятся самые странные трансмутации материи. Арктика – своего рода антимир, где всё обращивается своей противоположностью. Например, участникам экспедиции «Северный полюс – 1» пришлось перегонять коньяк в спирт.

Ключевые слова

алкоголь, пьянство, Арктика, мифология, ритуал, символ, семиотика повседневности

Для цитирования

Куляпин А. И. Алкоголь в повседневной жизни советского Севера 1930-х годов // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 351–363. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-351-363

© Куляпин А. И., 2022

Alcohol in the Everyday Life of the Soviet North of the 1930s

Alexander I. Kulyapin

Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation
iskander58@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9673-3855>

Abstract

In the sometimes unbearable living conditions in the Arctic, the use of alcoholic beverages and hallucinogens is the only way to escape from the harsh reality. Alcohol can create the illusion of easily overcoming any obstacles and difficulties. Since the main enemy of man in the North is cold, the mythology of alcoholic “warming” is especially relevant for polar explorers. Within the framework of the Soviet Arctic utopia, it is important to take alcohol beyond commodity-money relations. In the North, the strangest transmutations of matter become reality. The Arctic is a kind of anti-world, where everything turns into its opposite. For example, the participants of the expedition “North Pole – 1” had to distill cognac into alcohol.

Keywords

alcohol, drunkenness, Arctic, mythology, ritual, symbol, semiotics of everyday life

For citation

Kulyapin A. I. Alcohol in the Everyday Life of the Soviet North of the 1930s. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 351–363. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-351-363

Алкоголь, по выражению Юрия Слёзкина, издавна превратился в «самый желанный на Севере товар» [Слёзкин, 2008, с. 82]. После революции 1917 г. в целенаправленном спаивании коренного населения обвинили, как это было принято, царский режим. «Водка была одним из главных средств “просвещения” и ограбления ненцев русскими промышленниками и попами-миссионерами. Водка вьелась в быт ненцев», – обличает проклятое прошлое советский публицист [Попов, 1936, с. 28]. Новая власть порочную практику попыталась остановить. Так, Камчатский революционный комитет в начале 1920-х гг. «аннулировал все долги и запретил любую продажу “спирта, водки, одеколona, мухомора (гриб) и прочих крепких и одуряющих средств”» [Слёзкин, 2008, с. 161]. Правда, в реальности

мало что изменилось. В. Ф. Табелев в середине 1930-х гг. в заметках «На Ямальском Севере» приводит страшные факты:

...Председатель объединения им. Смидовича – Неруй вместо закупки продовольственных товаров снабжал членов товарищества спиртом, в результате пьянства были заброшены промыслы. <...> В колхозе Харп, находящемся недалеко от культбазы, в первые дни охоты было заработано 4 тыс. руб., и на все эти деньги был куплен спирт. <...> Сын бывшего шамана Кабло спойл пастуха 4-го стада Ныдинского оленсовхоза комсомольца Харичи Харакучи до такой степени, что последний умер у него в чуме [Табелев, 1936, с. 14].

По мнению автора статьи, всё это происки кулаков:

Кулак ведет ожесточенную борьбу с передовой частью ненецкого населения, используя для этого спирт и водку [Там же].

Однако ситуация, как бы там ни было, конечно, удручающая.

Пьянство было головной болью не только для аборигенов, но и для полярников.

Выдача спирта на Севере официально узаконена. Участник похода по спасению экспедиции Умберто Нобиле Николай Шпанов свидетельствует: «Перейдя полярный круг, мы стали получать полярную порцию спирта» [Шпанов, 1929, с. 53]. И тут же приводит факты, доказывающие растяжимость понятия «порция». В третьем часу ночи он застаёт в каюте «Красина» большую компанию, как ему сначала кажется, «за мирным чаепитием»:

По запаху я догадываюсь, что чаепитие отнюдь не мирного свойства. Это не чай, а излюбленный Анатолием Ивановичем прог. Рецепт Анатолия Ивановича чрезвычайно прост: в чашку наливается чай, на одну четверть доливаемый спиртом. По мере того как отпивается чай, свободное место в чашке опять доливается спиртом, до тех пор, покамест чашка не делается чуть теплой. Тогда снова наливается чай, немного разбавляемый спиртом, и процедура повторяется. На языке Анатолия Ивановича это чудовищное пойло называется «прогус» [Там же, с. 52].

О том, что проблема пьянства никуда не делась в тридцатых годах, упомянула в разговоре с Владимиром Канторовичем Нина Демме, возглавлявшая зимовку на Северной Земле в 1932–1934 гг.: «В одну из моих отлучек мои товарищи-мужчины напились, как свиньи» [Канторович, 1936, с. 146].

На мысе Челюскин в 1934–1935 гг. творилось нечто чрезвычайное. Евгений Федоров вспоминает:

Коллектив у нас был в общем хороший, но все же не тот, что на Земле Франца-Иосифа. В столовой уже не стояли графинчики с коньяком и водкой. Спиртное держалось под строгой охраной и помимо праздничных дней выдавалось в особых случаях Иваном Дмитриевичем.

И все потому, что в коллективе оказался один алкоголик. <...> Его всегда тянуло выпить, а начав, он не мог остановиться, пил до потери сознания.

– Анна Викторовна, нет ли у вас одеколona? Побриться хочу, – обращался он к Ане. Та, на первых порах ничего не подозревая, охотно давала ему флакон. А через пару часов он мог полезть в драку или стрелял из винтовки вдоль коридора в доме. <...>

Были и другие озорные ребята.

Однажды повар проснулся ночью от крика в соседней комнате, где жил кухонный рабочий Василий Дмитриевич. <...> Вбежав в комнату Василия Дмитриевича и включив свет, повар обнаружил, что железная койка вместе с обитателем комнаты находится высоко под потолком на кровле русской печи, выходящей тыльной частью в эту комнату.

Василий Дмитриевич, проснувшись и спустив ноги с койки, обнаружил, в полной темноте, пустое пространство.

А затасили его во сне на печь вместе с койкой молодые ребята, чтобы добраться до кадки с заквашенным тестом, которое они решили употребить вместо браги, – все-таки бродит и спиртом пахнет.

Василий Дмитриевич отделался легким испугом, а ребята сильной резью в животах.

Но этот были лишь мелочи [Федоров, 1982, с. 132].

Пристрастие к выпивке промысловика Сергея Журавлева доставило немало неприятностей членам экспедиции по изучению Северной Земли (1930–1932). Николай Урванцев упоминает об этом в книге «Два года на Северной Земле»:

Вынужденный бездельничать, Журавлев скучает, лениво что-то читает и отчаянно непрерывно курит, разбрасывая окурки направо и налево. За обедом выпивает разведенный на треть водою стакан спирта, а то и два, заваливаясь затем, как есть в обуви и одежде, спать. Спит до вечера, а потом всю ночь бродит, стучит, гремит, не давая никому покоя. Особенно тяжело это отзывается на мне, так как сплю я очень чутко.

По-видимому, и Ушакову тоже начало приходиться туго, от такого беспорядка [Урванцев, 1935, с. 108–111].

Атмосфера была настолько тяжелой, что Н. Урванцев решился на обман:

В оставшийся спирт-ректификат потихоньку подлил немного синих чернил, превратив его в денатурат, и однажды за обедом во всеуслышание обмолвился, что в последнем ящике оказался не ректификат, а денатурат специального назначения, с сулемой. Теперь «белого» спирта осталось не более четверти [Урванцев, 1935, с. 265].

Р. Барт в статье «Вино и молоко» справедливо заметил, что алкоголь – «это субстанция прежде всего конверсивная, способная оборачивать ситуации и состояния людей, из всех вещей извлекать их противоположность» [1996, с. 117].

Крепкие алкогольные напитки – это и яд, и лекарство, они могут убивать, как в случае с комсомольцем Харичи Харакучи, однако могут и лечить. Радисту ледокола «Красин», у которого постоянно болел живот, писатель Н. Шпанов прописывает экстремальную лечебную процедуру:

Я посоветовал Ивану Георгиевичу лечиться настойкой красного перца на чистом спирту и даже собственноручно натолкал ему в бутылку несколько стручков красного перца. Этим я приобрел себе благоволение радионачала на целые сутки [Шпанов, 1929, с. 63].

Н. Урванцев, простудившись, придумывает для себя еще более необычный способ лечения:

Лицо страшно опухло, как при болезни почек. Сознание ясное, держусь на ногах, хотя ощущение слабости все же есть. Лечусь сам лошадиными дозами хинина с коньяком. При гриппе это для меня специфическое радикально действующее средство [Урванцев, 1935, с. 55].

Рецептура странного лекарства основана, конечно, не на реальных свойствах веществ, а на мифологии алкоголя. Болезнь быстро прошла, но Урванцев даже не знает, «хинин ли, или коньяк помог» ему [Там же].

Советский полярник идет по стопам Робинзона Крузо, который, заболев, в качестве лекарства от лихорадки использует табачную настойку на роме. «Настойка оказалась такой крепкой и противной на вкус, что я ее еле проглотил», – сетует Робинзон [Дефо, 1990, с. 114]. Однако, как ни удивительно, эффект от употребления столь экзотического снадобья оказался вполне позитивным. В тропиках ли, в Арктике ли основной ингредиент лекарственных препаратов – алкоголь.

Заболевшему Робинзону само Провидение помогает отыскать «лекарство не только для тела, но и для души: во-первых – табак, <...> во-вторых, – Библию» [Дефо, 1990, с. 113]. Советские полярники подобного дуализма не знают. Спирт для них – лекарство и от телесных недугов, и от душевных невзгод. Герой рассказа Б. Горбатова «Торговец Лобас» (1938), оказавшись в Арктике, испытывает «приступы страшной тоски»:

Ему казалось тогда, что обливает его со всех сторон липкая, тягучая тьма. Дрожащими руками зажигал он лампу, но тени не уходили из комнаты, а угрожающе стучались в углах. И Косте казалось, что ночь никогда не кончится, никогда не блеснет здесь солнечный луч; снег, придавивший их избу, никогда не растает: навеки суждено Косте жить в полуночном мраке, погребенным под сугробами. И ему становилось страшно. Он понимал: это полярный психоз. Но он знал от него только одно лекарство: спирт [Горбатов, 1959, с. 85].

В невыносимых порой условиях обитания на Севере алкоголь и галлюциногены – единственный способ ускользнуть от действительности. Понятно, что в советской системе ценностей это способ предосудительный и бессмысленный. «Костя стал каждый вечер напиваться. Но и пьяный, он не знал покоя», – подытоживает результаты курса спиротерапии автор [Там же].

Вино «оживляет собой любой природный климат, в холодную погоду связывается с мифологией “согрева”, а в жару с образами тенистой свежести и терпкости» [Барт, 1996, с. 119]. Мифология алкогольного «согрева» для полярников, разумеется, особенно актуальна. В художественной системе социалистического реализма семиотический потенциал горячительных напитков возрастает за счет того, что их оживляющее действие распространяется также на машины и механизмы.

«Деятели революции 1920-х годов часто представляли себе идеальный тип человека как человека-машину» [Хелльбек, 2021, с. 26]. В культуре следующего десятилетия взгляды на процесс создания «нового человека» радикально изменилась: «Если в первые годы советской власти страстный сторонник тейлоризма Алексей Гастев мечтал о “лицах без экспрессии, душе, лишенной лирики, эмоции, измеряемой не криком, не смехом, а манометром и таксометром”, то стахановцы овладевали технологией металла со всем жаром своего сердца» [Там же, с. 28].

Смена концепции привела к тому, что в искусстве нередко теперь уже не человек омашинаивается, но машина очеловечивается, как это произошло, например, в стихотворении ненецкого поэта Г. Суфтина «О спирте».

По тундре едет старый ненец Лагей с флягой спирта на груди. Он встречается с трактором, мотор у которого перестал работать на холоду. Тракторист просит у Лагея:

Нам очень немного надо
– Сто семьдесят капель спирта,
И соловьем защелкает
Обледенелый мотор.

«В простом человеческом сердце» Лагея происходит борьба:

Наследие лихого строя
Из жизни не выбьешь скоро...
Сжимает спиртовую флягу
В дрожащих руках Лагей.
Глядит помутневшим взором
На рыжую грудь машины...
Что видит он в этой силе:
Друга или врага?

Но сознание нового побеждает силу старой привычки, и Лагей –

...поднимает руку
и делает два шага.

Согретый спиртом трактор пошел снова [Попов, 1936, с. 28].

Характерна лексическая замена в тексте существительного мужского рода «трактор» на существительное женского рода «машина». Происходит не просто анимизация механического агрегата, но идентификация его как существа, наделенного признаками женского пола.

Стихотворение Г. Суфтина открывалось весьма смелым сравнением:

О водке мечтали ненцы,
Как пожилая невеста
Мечтает о женихе.

Встреча старого ненца Лагея с замерзшей машиной – это, по сути, реализация заявленной метафоры. Сердечные муки героя, фиксация взгляда «на рыжей груди машины», обещанная в обмен на сто семьдесят капель спирта песнь соловья – всё это хорошо известные элементы эротического дискурса. Сюда же следует добавить и устойчивую ассоциативную связь между алкоголем и сексом. Еще в магистерской диссертации А. А. По-

тебни «О некоторых символах в славянской народной поэзии» (1860) было отмечено: «Пить вино – тоже любить» [Потебня, 1989, с. 292].

В культуре сталинизма, по наблюдению К. Кларк, «любовная жизнь героя сама по себе ценности не представляет, она служит лишь выполнению стоящих перед ним задач и обретению сознательности. Не случайно в западном сознании традиционный сюжет советского романа описывается формулой: юноша овладел трактором. Это действие мало зависит от участия или неучастия в нем девушки. Овладение девушкой или овладение трактором – явления одного порядка, поскольку общественное задание всегда важнее личного» [Кларк, 2002, с. 159]. Ненецкий поэт освоил новую мифологию даже более успешно, чем мэтры соцреализма.

Надо учитывать, что у северных народов, как во многих других архаических обществах, опьяняющие напитки – это «средство достижения особого сакрально отмеченного состояния» [Топоров, 1992, с. 256]. Шаманы во время камлания выпивают невероятное количество водки: «Общение шаманов с духами на высших стадиях шаманства представляет целую мистирию. Оно длится несколько дней, сопровождается жертвоприношениями, потреблением пищи и спиртных напитков в неумеренных количествах» [Богораз, 2018, с. 167]. По свидетельству В. Г. Богораза, «...на севере пролить водку считается, пожалуй, хуже, чем пролить кровь» [Богораз, 1934, с. 163].

Тракторист просит у Лагея смехотворно малый объем спирта, 170 капель – это примерно две чайные ложки. И всё же старый ненец колеблется, ведь, чтобы согреть машину, ему придется пожертвовать даже не собственной кровью, а чем-то еще более дорогим.

Для советской арктической утопии важно вывести алкоголь за рамки товарно-денежных отношений¹. Когда ту же цель преследуют на Западе – это чревато безумием.

Посетив бухту Кингсбей на полярном архипелаге Шпицберген, Н. Шпанов узнал, что в «Нью-Олесунде абсолютно сухой закон: ни одной капли спиртного на берегу» [Шпанов, 1929, с. 205]. Результаты такого решения катастрофические. Инженер Кисс жалуется советскому писателю: «...пожив в этой проклятой дыре не сделаться идиотом нельзя, если в ва-

¹ Показательно, что едва ли не единственная бытовая деталь в (анти)утопическом мире «Блаженства» М. Булгакова – чистый спирт, текущий из крана. «Ах, как у вас комнаты оборудованы!» – восхищается Милославский [Булгаков, 1990, с. 396].

шем распоряжении нет достаточного количества виски. Только дурак мог придумать сухой закон для Шпицбергена...» [Шпанов, 1929, с. 207]. В пагубных последствиях запрета на алкоголь Н. Шпанов убедился, встретив немецкого журналиста Цюхнера:

Ко мне подошел небритый субъект маленького роста в драной фуфайке и галошах на босую ногу.

– Цюхнер, журналист. Я репрезентирую здесь германскую прессу. Чортова дыра. Живу с апреля и скоро, вероятно, на меня натянут смирительную рубашку. <...> На кой чорт мне те несколько тысяч марок, которые кладут на мой текущий счет в Берлине ежемесячно, когда здесь ничего нельзя достать, кроме апельсинов и мыла для бритвы. А мне оно совершенно ненужно. Пожалуй, я согласился бы теперь закусывать этим мылом виски, но его-то тут и нет [Там же, с. 206].

«Осчастливив» инженера Кисса бутылочкой русского спирта, Н. Шпанов получает возможность ознакомиться со всеми достопримечательностями Нью-Олесунда. Очевидно, что для жителей столицы Шпицбергена алкоголь так и остался «самым желанным на Севере товаром».

Именно спирт – главный напиток Севера, водка, коньяк или виски в этом суровом мире – слабоалкогольные напитки. Георгий Ушаков рассказывает о поразительном эпизоде во время похода к Северной Земле, когда замерз шестидесятиградусный коньяк:

К ужину по случаю торжественного дня я вынул заветную фляжку. Она лежала на санях в закрытом ящике. В ней был коньяк. Журавлев, мечтавший «согреться», обрадованный неожиданной возможностью осуществить мечту, осторожно нагнул горлышко фляги над кружкой. Но, к удивлению, он увидел, что осторожность была излишней. Из фляги не вытекло ни капли. Подозрительно взглянув на меня (не обман ли?), он начал энергично трясти посудину. Только после этого из горлышка фляги показалась густая, тягучая масса. Это и был 60-градусный коньяк. От мороза он превратился в какую-то кашу.

После хорошей дозы коньяку, вполне удовлетворенные походом, мы залезли в спальные мешки, забыли о морозе и крепко заснули [Ушаков, 1953, с. 169].

Сосланный в город Томы на Черном море (современное название – Констанца) римский поэт Овидий представление о суровости климата этой местности передает через образ застывшего вина: «Сами собою стоят, сохраняя объемы кувшинов, / Вина: и пить их дают не по глотку, а куском» [Овидий, 1982, с. 46]. Еще раньше этот образ встречается в «Георгиках»

Вергилия. Описывая страну скифов, которые живут «близ вод Меотийских» (т. е. Азовского моря), «там, где Родопы загиб под самый полюс протянут», Вергилий утверждает, что здесь «вино не течет, топором его рубят» [Вергилий, 1971, с. 100–101].

Север Вергилия и Овидия давно стал курортной зоной, в невыдуманной Арктике замерзает не вино, а 60-градусный коньяк. В таком контексте становятся понятнее, как могла возникнуть одна старая полярная традиция, о которой поведал в книге «Обрученные с Севером» Р. П. Буйнов: спирт следует разбавлять «по широте», т. е. употреблять его практически не разбавленным [Буйнов, 2012, с. 150]. Заполярье начинается от 66° северной широты, значит такова здесь минимальная крепость спирта, и чем севернее, тем градус выше.

На Севере реальностью становятся самые странные трансмутации материи. Арктика – своего рода антимир, где всё оборачивается своей противоположностью. Например, участникам экспедиции «Северный полюс – 1» пришлось перегонять коньяк в спирт.

19 июля 1937 года И. Д. Папанин записывает в дневник:

Экспедиционный запас спирта остался на острове Рудольфа, мы забыли захватить его с собой. Пётр Петрович предложил оригинальный способ разрешить проблему получения спирта для фиксирования экспонатов по гидробиологии – перегонять коньяк в спирт.

Мне пришлось срочно соорудить «самогонный аппарат», и Петрович стал заниматься делом, возможным только на дрейфующей льдине: уничтожать коньяк; из литра коньяка получается пятьсот граммов чистого спирта. Если бы кто-либо застал его за таким занятием на Большой Земле, то наверняка признал бы сумасшедшим [Папанин, 1972, с. 72].

Е. Федоров в записи, датированной тем же днем, прокомментировал событие еще более эмоционально:

Сегодня, после серьёзного обсуждения, решились на героическое действие – гнать спирт из коньяка. <...> Иван Дмитриевич сделал нехитрый самогонный аппарат, и мы с грустью смотрели, как в жертву науке приносится отличный коньяк... [Бурлаков, 2007, с. 190–191].

«Страной чудес и сказочных превращений» названа Арктика в романе В. Каверина «Два капитана» [1981, с. 419]. Пожалуй, более точную формулу для описания советского Севера придумать сложно.

Список литературы

- Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 313 с.
- Богораз В. Г.* Чукчи. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера, 1934. Ч. 1. 192 с.
- Богораз В. Г.* Стадии развития шаманизма // Из архива. Избранные труды В. Г. Богораза по шаманству (1934–1936 гг.). СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2018. С. 59–351.
- Буйнов Р. П.* Обрученные с Севером. По следам «Двух капитанов». М.: Вече, 2012. 304 с., илл.
- Булгаков М. А.* Блаженство // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 3: Пьесы. С. 381–422.
- Бурлаков Ю. К.* Папанинская четверка: взлеты и падения. М.: Европейские издания, 2007. 223 с., илл.
- Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. лит., 1971. 448 с.
- Горбатов Б.* Обыкновенная Арктика. М.: ГИХЛ, 1959. 296 с.
- Дефо Д.* Робинзон Крузо. М.: Высш. шк., 1990. 543 с.
- Каверин В. А.* Два капитана // Каверин В. А. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 3. 634 с.
- Канторович В.* Нина Демме // Новый мир. 1936. № 10. С. 144–159.
- Кларк К.* Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 262 с.
- Овидий.* Скорбные элегии. Письма с Понта. М.: Наука, 1982. 272 с.
- Папанин И. Д.* Жизнь на льдине. Дневник. М.: Мысль, 1972. 310 с., с карт., илл.
- Попов Н. Д.* О ненецком литературном творчестве // Сов. Арктика. 1936. № 7. С. 27–31.
- Потебня А. А.* Слово и миф. М.: Правда, 1989. 624 с.
- Слѣзкин Ю.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М.: НЛЮ, 2008. 512 с.
- Табелев В. Ф.* На Ямальском Севере (Заметки) // Сов. Арктика. 1936. № 7. С. 11–23.
- Топоров В. Н.* Опьяняющие напитки // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 256–258.
- Урванцев Н. Н.* Два года на Северной Земле. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1935. 366 с.
- Ушаков Г. А.* По нехоженной земле. М.: Молодая гвардия, 1953. 408 с. с илл. и карт.
- Федоров Е.* Полярные дневники. Л.: Гидрометеиздат, 1982. 312 с., илл.

Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: НЛЮ, 2021. 424 с.

Шпанов Ник. Во льды за «Италией». М.;Л.: Молодая гвардия, 1929. 228 с., илл.

References

Bart R. Mifologii [Mythology]. Moscow, Sabashnikovy Publ., 1996, 313 p. (in Russ.)

Bogoraz V. G. Chukchi. Leningrad, Izd-vo Instituta narodov Severa, 1934, pt. 1, 192 p. (in Russ.)

Bogoraz V. G. Stadii razvitiya shamanizma [Stages of shamanism development]. In: Iz arkhiva. Izbrannyye trudy V. G. Bogoraza po shamanstvu (1934–1936 gg.) [From the archive. Selected works of V. G. Bogoraz on shamanism (1934–1936)]. St. Petersburg, St.-Peterb. Uni. Press, 2018, pp. 59–351. (in Russ.)

Bulgakov M. A. Blazhenstvo [Bliss]. In: Bulgakov M. A. Collected works. In 5 vols. Moscow, Khudozh. lit., 1990, vol. 3: Plays, pp. 381–422. (in Russ.)

Burlakov Yu. K. Papaninskaya chetverka: vzlety i padeniya [The Papanin Four: ups and downs]. Moscow, Evropeyskiye izdaniya, 2007, 223 p., ill. (in Russ.)

Buynov R. P. Obruchennyye s Severom. Po sledam “Dvukh kapitanov” [Engaged to the North. In the footsteps of the “Two Captains”]. Moscow, Veche, 2012, 304 p., ill. (in Russ.)

Defo D. Robinzon Kruzo [Robinson Crusoe]. Moscow, Vysshaya shkola, 1990, 543 p. (in Russ.)

Fedorov E. Polyarnyye dnevniki [Polar diaries]. Leningrad, Gidrometeoizdat, 1982, 312 p., ill. (in Russ.)

Gorbatov B. Obyknovennaya Arktika [Ordinary Arctic]. Moscow, GIKHL, 1959, 296 p. (in Russ.)

Kantorovich V. Nina Demme. *Novyy mir* [New World], 1936, no. 10, pp. 144–159. (in Russ.)

Kaverin V. A. Dva kapitana [Two captains]. In: Kaverin V. A. Collected works. In 8 vols. Moscow, Khudozh. lit., 1981, vol. 3, 634 p. (in Russ.)

Khellbek Y. Revolyutsiya ot pervogo litsa: dnevniki stalinskoy epokhi [Revolution in the First Person: Diaries of the Stalinist Era]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2021, 424 p. (in Russ.)

Klark K. Sovetskiy roman: istoriya kak ritual [The Soviet Novel: History as a Ritual]. Ekaterinburg: Ural Uni. Press, 2002, 262 p. (in Russ.)

Ovidiy. Skorbnnyye elegii. Pis'ma s Ponta [Sorrowful Elegies. Letters from Pontus]. Moscow, Nauka, 1982, 272 p. (in Russ.)

Papanin I. D. Zhizn' na l'dine. Dnevnik [Life on an ice floe. Diary]. Moscow, Mysl', 1972, 310 p., with maps, ill. (in Russ.)

Popov N. D. O nenetskom literaturnom tvorchestve [About Nenets literary creativity]. *Sovetskaya Arktika* [Soviet Arctic], 1936, no. 7, pp. 27–31. (in Russ.)

Potebnya A. A. Slovo i mif [Word and myth]. Moscow, Pravda, 1989, 624 p. (in Russ.)

Shpanov Nik. Vo l'dy za "Italiey" [Into the ice behind "Italy"]. Moscow, Leningrad, Molodaya gvardiya, 1929, 228 p., ill. (in Russ.)

Slezkin Yu. Arkticheskiye zerkala: Rossiya i малыye narody Severa [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye, 2008, 512 p. (in Russ.)

Tabelev V. F. Na Yamal'skom Severe (Zametki) [In the Yamal North (Notes)]. *Sovetskaya Arktika* [Soviet Arctic], 1936, no. 7, pp. 11–23. (in Russ.)

Toporov V. N. Op'yanyayushchiye napitki [Intoxicating drinks]. In: Mify narodov mira [Myths of the peoples of the world]. Encyclopedia. In 2 vols. Moscow, Sov. entsiklopediya, 1992, vol. 2, pp. 256–258. (in Russ.)

Urvantsev N. N. Dva goda na Severnoy Zemle [Two years on Severnaya Zemlya]. Leningrad, Izdatel'stvo Glavsevmorputi, 1935, 366 p. (in Russ.)

Ushakov G. A. Po nekhozhenoy zemle [On untouched land]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1953, 408 p. with ill. & maps. (in Russ.)

Vergiliy. Bukoliki. Georgiki. Eneida [Bucolic. Georgics. Aeneid]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1971, 448 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Александр Иванович Куляпин, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Alexander I. Kulyapin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 21.12.2021;
одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 15.03.2022
The article was submitted 21.12.2021;
approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 15.03.2022*